

РАФФАЭЛЕ
БУССИ

В тени
голубого
острова.
Русские
на Капри

Раффаэле Бусси

**В тени голубого острова.
Русские на Капри**

«Алетейя»

2016

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)6-44

Бусси Р.

В тени голубого острова. Русские на Капри / Р. Бусси —
«Алетейя», 2016

ISBN 978-5-906980-14-4

Главный герой художественной повести – реальное историческое лицо, петербургский художник Михаил Михайлович Огранович (1878–1945), обосновавшийся на Капри с 1903 г. после женитьбы на местной девушке. Его судьба, согласно автору, переплелась с перипетиями кружка Максима Горького, устроившего на острове Пропагандистскую школу с идеалистическим уклоном. Русская революция, которую готовили эмигранты на Капри, пошла однако по иному, крайне радикальному сценарию, увлекшему в свой драматический водоворот и персонажей книги.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)6-44

ISBN 978-5-906980-14-4

© Бусси Р., 2016
© Алетейя, 2016

Содержание

К русскому читателю	5
В тени голубого острова	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Раффаэле Бусси

В тени голубого острова. Русские на Капри

К русскому читателю

Дорогой русский читатель, с огромным удовольствием вручаю Вам русское издание моей художественной повести «All'ombra dell'isola azzurra», переведенной Натальей Алякринской под редакцией моего друга историка Михаила Талалая и опубликованной петербургским издательством «Алетейя».

Мне показалось интересным рассказать публике малоизвестную историю – о Каприйской школе, задуманной Максимом Горьким: к знаменитому писателю присоединились в Неаполитанском заливе такие интеллектуалы, как Богданов, Луначарский, Базаров и ряд других. Школа, устроенная на средиземноморском «камушке», как любил называть остров М. Горький, пыталась проводить линию, противоположную революционной доктрине Ленина, воплощенной им позднее во время известных «Десяти дней, которые потрясли мир».

Эта политическая история переплетается с историей любви – замечательного русского художника Михаила Ограновича, прибывшего на Капри во время пансионерской поездки по Италии и оставшегося тут навсегда, так как он встретил на острове прелестную девушку Лауру Петанья, вторую из детей хозяина пансиона «Belvedere e Tre Re», полюбил ее и женился.

На заднем плане романтических каприйских сюжетов – чудесная российская земля, в первую очередь, легендарный Санкт-Петербург, основанный царем Петром Великим как столица, ради вящего приближения к Европе.

Пусть это звучит как преувеличение, но на Капри в какой-то степени тогда определялось будущее послереволюционной России. Часто я задаю себе вопрос. А что, если бы в революционной политике победила бы линия Горького, а не Ленина? Однако, как известно, в Истории нет места слову «если», в ней главенствует именно «однако»... В любом случае, можно смело утверждать, что не случилось бы такого пролития крови и стольких жертв.

Финал книги посвящен любви русских людей к родной земле: Нинетта Огранович, выполняя волю отца-художника, высказанную на смертном одре, отправляется в Россию, чтобы увидеть лично места, связанные с жизнью ее предков.

Мне остается только пожелать дорогим читателям приятного чтения каприйской повести с русскими героями.

*Раффаэле БУССИ,
сентябрь 2017 г, Кастелламаре-ди-Стабия
перевод М. Г. Талалая*

В тени голубого острова Русские на Капри

*Лилиане и Микеле
с их милыми одобряющими улыбками*

На широком внутреннем двореке Королевского дворца Портичи всё готово к отъезду. Слуги уже давно погрузили багаж барона Ограновича в экипаж, который доставит его в порт Неаполя, а затем на остров Капри: короткий визит перед отъездом в Петербург.

Молодой Михаил, отпрыск аристократической русской семьи, после Парижа, Венеции, Флоренции и Рима поселился в Неаполе, последнем пункте своего длинного путешествия по Европе, в Королевском дворце Портичи, построенном по приказу Карла III для династии Бурбонов.

Монарх воздвиг его на въезде в столицу Кампании – в просторном парке с английским садом и амфитеатром. Король и его супруга Мария-Амалия Саксонская, будучи с визитом на вилле герцога д'Эльбёфа, были приятно впечатлены красотой этих мест и пожелали возвести здесь дворец, который позже станет их официальной резиденцией.

Дворец возвышается над Калабрийским трактом, разделяющим парк надвое, а во внутреннем двореке, похожем на настоящую площадь, с левой стороны располагаются казарма королевской гвардии и дворцовая капелла с величественной лестницей, идущей от входа до первого этажа.

Парк простирается до самого моря, вплоть до Гранателло: широкие аллеи, обрамленные английским парком, служат фоном для фонтана Сирен, беседки короля Карла и фонтана с лебедями.

На дворец отбрасывает величественную тень грандиозная гора – Везувий.

– Погрузили весь багаж? – спрашивает слуг дворецкий.

– Да! Уложено всё, – сухо отвечает управляющий.

– Вы забыли самое главное, – замечает Огранович, пересекает площадь и забирает мольберт и ящик с красками, лежащие за одной из колонн. – Хотите оставить меня без орудий труда?

– Простите, синьор барон. Спешка – плохая помощница... Ну-ка, пошевеливайтесь! – извиняется управляющий, оборачиваясь к слугам и решительным тоном пытаюсь их взбодрить.

– Вы останетесь довольны. Там, на голубом острове, у вас будет возможность воплотить на холсте великолепные пейзажи. Капри – уникальное, волшебное место, которое очаровывает своими кристально-чистыми водами и зелеными шпалерами, ведущими на самый верх, к вилле Тиберия. Одна античная легенда рассказывает о том, как Везувий, неаполитанский дворянин, влюбился в некую девушку родом с Капри. Но ее родственники, не желая потворствовать их любви, отправили девушку на мыс Минервы, откуда она не могла видеть своего возлюбленного. Однажды на прогулке в порыве отчаяния влюбленная красавица неожиданно бросилась в море и превратилась в остров, получивший впоследствии имя Капри. Везувий, узнав об этом, от отчаяния начал извергать из себя огонь и постепенно стал приобретать черты вулкана, который, наблюдая за своей возлюбленной, разгорался от страсти – до того, что выпускал пламя изо рта. И поныне народная молва гласит о том, что когда вулкан гневается из-за своей несчастной любви, Неаполь дрожит и раскаивается в том, что не дал Везувии желанного счастья. Но сказки сказками, а вам счастливого пути, синьор барон. До порта вас сопроводит доверенное лицо нашего дома, синьор Альфредо Виварелли.

– Не знаю, как благодарить вас.

– Надеюсь услышать вас или хотя бы получить письмо как можно скорее... В порт Неаполя. Прошу вас, Виварелли. Сопроводите синьора барона до самого пирса, – управляющий обращается к сопровождающему, пока кучер натягивает поводья, торопя лошадей к выходу.

Выехав за пределы дворца, экипаж устремляется по Калабрийскому тракту в направлении Неаполя, оставляя позади изумительный пейзаж, где сочетаются вулкан и море, и постепенно выезжает на дорогу, где справа и слева притягивают взгляд впечатляющие резиденции – памятники золотому веку неаполитанского общества.

Эти виллы – роскошные дома аристократов – расположены на пути от Портичи к Сан-Джованни, прямо на уровне неаполитанского порта. Многие знатные семейства Неаполя, по примеру королевской семьи, выстроили себе на побережье, у подножия Везувия, летние резиденции. Виллы спроектированы и построены великими архитекторами – Ванвителли, Санфеличе, Фуга, Ваккаро – с большим вкусом: здесь использованы различные смещения архитектурных стилей и глубокое знание оптических эффектов с их «убегающими» колоннадами, сочетанием окрестных пейзажей с аллеями, находящимися на одной оси с виллами, чему благоприятствует и небольшой наклон земли в сторону побережья.

Деревья посажены так, что можно видеть, с одной стороны, великую Гору, с другой – голубизну тирренских вод. Поразительные природные краски и сладостные ароматы как рукой стирают у живущих здесь страх перед вулканом, навевая сладостную беспечность.

По дороге взору петербургского аристократа открываются одна за другой непревзойденные по красоте виллы, почти каждая из которых построена у дороги, будто городское жилье, тогда как внутри они имеют загородный вид – и те, что обращены к морю, и те, что смотрят на сельскую местность у подножия вулкана. На севере в направлении Неаполя прекрасный вид открывается на виллу д'Эльбёф – с ее двойной эллиптической лестницей, которая, достигая основного этажа, формирует две террасы с видами на море и одну лоджию, обращенную к Везувию. Вилла Лауро Ланчеллотти примечательна фасадом, декорированным необработанным камнем, и парком с элегантной кофейней в стиле барокко, простирающимся до самого моря. Вилла Пиньятелли ди Монтекальво привлекает богато декорированным фасадом, вилла Бруно – эллиптической нишей со статуей св. Януария, покровителя Неаполя. Вилла Ваннукки – феерическим задним фасадом, обращенным к саду. Ко всем этим виллам легко доехать из города – благодаря железной дороге, для которой вагоны поездов конструируют и монтируют на заводе в Пьетрасе – месте, задающем рабочие ритмы в одном из самых очаровательных уголков побережья.

Эти виды очень похожи на те, что можно наблюдать в южном направлении, в сторону Салерно: здесь, как драгоценные камни, инкрустированы в цветущую землю величественная вилла Априле, вилла Кампольето с огромной лестницей из спекшегося туфа и двойным спуском, повторяющая схему Королевского дворца в Казерте, интригующая вилла Фаворита, и внизу – вилла Кардинале, которая бесстыдно, безо всякой робости обращает свой взгляд на известную Гору.

В конце дороги, на уровне Сан-Джованни, экипаж поворачивает влево, к морскому побережью, где начинается порт.

– Восхитительно! Зеленое пятно в самом сердце города, оазис вблизи моря. Возможность людям отдохнуть в течение дня, – замечает художник.

– Да, но это просто вилла для народа, синьор барон, тут зелени-то совсем мало, она почти голая. Это убежище для бедного, мелкого люда, привыкшего к тяжелому, унижительному труду, – плотников, рыбаков, извозчиков, грузчиков, а также тех, кого море снабжает всем необходимым для выживания. Впереди, на Ривьере-ди-Кьяйя, есть вилла совсем другая, хорошая, для синьоров: там каждый день бывают элегантные барышни, а няни в форменной одежде выводят на прогулку детей аристократов и благопристойной неаполитанской буржуазии. Длинный общественный сад, который отделяет Ривьеру от набережной со стороны улицы Карач-

чоло, дарит прогуливающимся прохладную свежесть зелени и желанную тень. Этот мирный уголок возник по желанию короля Фердинанда: вдохновившись парижскими садами Тюильри, он повелел создать его для себя и для знати. Это место для прогулок и уединения. Простолюдинов в эти места не пускают, они не могут видеть великолепие зеленых аллей, украшенных неоклассическими статуями, небольшими часовнями, фонтанами и огромной музыкальной беседкой из чугуна и стекла.

Не удивляйтесь, синьор барон! Матильда Серао, неаполитанская писательница, заметила, что в Неаполе, кажется, даже в море отражается социальное неравенство. Вот, к примеру, море у Кармине, – оно всегда темное, бурное, ураганное: это море униженных рыбаков. Или взять море у Моло – море состоятельных негоциантов, банкиров, экспедиторов и деловых людей, где на поверхность всплывает всё: это бесформенная сливная яма, полная нечистот, царство почерневших от солнца и ссутулившихся от тяжелого труда людей, благодаря которым и жив еще этот постепенно загнивающий торговый порт. Чуть дальше – море Санта-Лючии, душа этого оживленного селения: это море – народное, трудолюбивое, принадлежащее тем, кто еле сводит концы с концами, изобретая самые невероятные способы заработка. И вниз, до самого Кьятамоне, – зеркальная морская гладь, пустынная и серая, простирающаяся в бесконечность и сообщающая печаль местному замку, который прячет за собой Везувий. Последний отрезок – море Мерджеллины, будто созданное для мечтаний в лунном свете, особенно летом, когда оно сливается с морем в районе Позиллипо, зеленовато-синим, соединяющим в себе все цвета, созданные щедрым Творцом для поэтов, мечтателей и влюбленных, готовых прожить свою любовную историю на фоне уникального пейзажа.

– Волнующее описание дает Серао, но очень уж меланхолическое. В райском саду, когда его создал Господь Бог, не было задумано деления на социальные классы. Человек, движимый завистью, не колеблясь, забирает себе то, что ему не принадлежит, будто бы это его собственность, – размышляет вслух Михаил по поводу описания дьявольского сценария.

– Именно так, синьор барон! – отзывается проникательный сопровождающий. Экипаж, оставив позади зеленый оазис «народной» виллы, направляется к портовому причалу. Отсюда к голубому острову уходят старенькие, с трудомдвигающиеся вапоретто, освобождая пространство для столпившихся на пристани людей с багажом, ожидающих посадки на большой пароход.

– Но что делают все эти люди, чего ждут? – с любопытством спрашивает Огранович.

– Эти люди решили покинуть свою страну в поисках удачи по ту сторону океана. Они полны надежд, иллюзий и были уже много раз обмануты. Они собираются в Америку, в совершенно другой мир, где надеются по крупицам, кровью и потом, заработать свои гроши. Как видите, здесь много мужчин, совсем мало женщин и ни одного ребенка. Уезжают в основном представители мужской части населения, чьи родственники не замедлят последовать за ними. Но настоящая трагедия – это сама переправа. Видите вон тот пароход, «Ломбардия»? Это настоящая консервная банка, судно без руля и ветрил, более известное как корабль мертвецов. Борт, куда вместо положенных семисот человек сажают более тысячи, каждый раз отправляется в путь безо всякой уверенности в достижении цели. В этих трагических рейсах многие умирают – кто в результате кораблекрушения, кто от болезни, кто от удушья и даже от голода. Путь этих несчастных – настоящее испытание. Обычно их размещают в третьем классе, в ужасных условиях, где полностью отсутствует гигиена. Обедают всей толпой на палубе, тарелки – между ног, кусок хлеба рядом. Пообедать во время шторма – задача трудная: из одного конца судна в другой перемещаются всевозможные отходы. Спят здесь одетыми, туалетных комнат для отправления человеческих потребностей нет, в таких условиях легко подхватить брюшной тиф, бронхо-легочные заболевания, корь, грипп, не говоря уже о несчастных случаях, сопутствующих плаванию в условиях бурного моря, – заключает рассказ Виварелли.

– Чудовищно! Как такое возможно? – возмущается Огранович.

– Как возможно? Крайняя нужда, бедность, нищета вынуждают принимать самые дикие условия. Единственное желание бедолаг – высадиться на берег любой ценой. Для многих прибытие еще трагичнее, чем отъезд: когда людям не выдают разрешения на въезд, они вынуждены возвратиться в родную страну, но уже без того малого, чем обладали при отъезде. Но и тем, кто добирается до цели, приходится еще пройти процедуру авторизации: чтобы остаться в стране, они подвергаются отбору в гетто, где ютятся в захудалых бараках или в жалких убежищах.

Это лишь первое унижение, за которым следует невозможность вписаться в социальный контекст: здесь и дискриминация, перерастающая в насилие, и выступления в защиту своего достоинства, постепенно вырождающиеся в обычный городской бандитизм и организованную преступность. То, что вначале было простым антиитальянским настроением, превращается в расовую нетерпимость.

Чиновник министерства иностранных дел, наш обычный гость во Дворце, сообщил нам ужасающие подробности об условиях жизни итальянских эмигрантов в Соединенных Штатах. Рассказ, основанный на детальных разведанных нашего консульства в Нью-Йорке касательно условий жизни итальянцев. Сценарий, который разворачивается перед нашими глазами здесь, в Неаполе, этот поистине библейский исход, можно наблюдать и в порту Генуи, и в порту Палермо. Это нормально, от нищеты сбегают, – как здесь, в Неаполе, так и в любом уголке мира. Есть те, кому удача улыбнулась, а кому-то она не дарит даже подобия улыбки, – заключает свой рассказ Виварелли. Тем временем на улице людей с плохо упакованным багажом, картонными чемоданами и домашним скарбом, перевязанным толстыми веревками, вызывают на посадку к молу.

– Мы приехали. Пристань Иммаколателла, отсюда отправление на Капри, – завершает рассказ сопровождающий, пока кучер, ловко обходя последние заторы, направляет экипаж к указанной цели. – Удачного переезда, синьор барон, и хорошего пребывания на Капри. По возвращении в Санкт-Петербург поздравьте ваших с возрождением дружбы с королевской семьей, – прощаются сопровождающий и возничий, спускаясь с вапоретто, куда они помогли своему подопечному устроить багаж.

– Будет сделано! И еще раз спасибо за гостеприимство, – прощается художник, с легкостью взбираясь на борт.

Объявлено отправление на Капри. Каких-то несколько минут – и нос шустрого и легкого пароходика начинает рассекать кристальные воды Тирренского моря. Неаполитанский порт остается позади. Увиденные жестокие картины и образы несчастных бедняков еще какое-то время занимают ум молодого художника – до тех пор, пока прекрасные виды, от мыса Мизено до самой оконечности Кампанеллы, не овладевают полностью его вниманием: зрелище, которым русский дворянин сможет насладиться в деталях, вынув из футляра бинокль.

Пляжи с дворцами и виллами впечатляющей архитектуры смотрят на залив, тогда как с моря можно рассматривать парки зажиточных домов, которые незадолго до этого Огранович проезжал на пути в порт. Игра цветов, повторяя изгиб Гранателло до побережья Стабии, продолжается и там, где берег взвигается пиком над морем, проходя через Вико, Мету, Пьяно, прежде чем встретиться с Сорренто и Массой, видными невооруженным глазом с архипелага Галли.

Напротив – силуэт голубого острова, величественно возвышающегося над гладью моря и будто воображающего себя хозяином всего этого бесконечного средиземноморского пространства.

...Высадка замедляется из-за узкого входа в гавань, где с вапоретто сначала высаживают и доставляют на берег пассажиров, а потом – багаж. Там, на небольшом молу, уже ждут носильщики, гостиничные агенты и наемные извозчики.

Сойдя на берег, Михаил вручает багаж первому встречному извозчику.

– Экипаж до отеля «Квизисана»!

– Синьор, пройдемте за мной, – незамедлительно отвечает пожилой носильщик с обожженным солнцем лицом. И, взвалив на мощные плечи багаж, он быстро направляется из порта к стоянке экипажей. – Вичи, отвези синьора в «Квизисану»! – отдает приказ носильщик, разместив чемоданы.

– Далеко ли эта гостиница?

– О, да! Но знаете, синьор, вы сможете насладиться прекраснейшей панорамой, – заверяет извозчик, подстегивая лошадь и направляя ее к подъему, после многочисленных поворотов, приводящему на маленькую площадь перед улицей Гогенцоллернов. Экипаж отъезжает совсем недалеко от порта, когда метров через сто внимание пассажира привлекают звуки фортепьяно, исходящие из здания ярко-красного, помпейского цвета, на фасаде которого сверху красуется вывеска: «Belvedere e Tre Re».

– Остановитесь! – просит Михаил извозчика. Молодой человек, захваченный неожиданным любопытством, выходит из экипажа и направляется ко входу в здание с необычным фасадом. На пороге он вдруг понимает, что перед ним – пансион. Заходит, чтобы пройти к рецепции, и тут замечает девушку, сидящую за пианино. Останавливается, как вкопанный, чтобы послушать отрывок, который девушка продолжает исполнять. Она не замечает постороннего у входа. В финале исполнения девушка поднимает взгляд от клавиатуры и видит Михаила, с широкой улыбкой аплодирующего исполнению.

– Простите меня, – извиняется девушка, порывисто вставая и направляясь навстречу гостю. – Я не заметила вашего присутствия. Что вам угодно?

– Вам не за что просить прощения. Напротив, это я должен просить прощения за то, что отвлек вас от музыки, что есть высшая степень искусства. Музыка! Ничто в мире, разве что молитва, не способно приблизить к Богу так, как музыка. Она возносит тебя выше, чем литература и любой другой вид искусства, взять ту же живопись, в которой я пытаюсь преуспеть.

– Вы художник?

– Да, художник, и мне необходимо жилье на несколько дней. У вас есть свободная комната?

– Конечно! Будьте любезны, какой-нибудь документ.

– Да, только документы в багаже, а тот – в экипаже, и, кроме того, я еще должен заплатить за доставку извозчику.

– Об этом не волнуйтесь, я заплачу и внесу всё в счет. Антонио, багаж синьора снаружи, в экипаже... Да, и не забудь заплатить извозчику!

– Будет исполнено! – отвечает помощник и, быстро справившись с заданием, тут же возвращается. – Он не взял чаевых, сказал, что проехал от порта до гостиницы всего несколько метров... Багаж отнести в комнату?

– Нет, оставь здесь. Синьору необходимы документы. Я позову тебя, – девушка благодарит помощника и, открыв паспорт Михаила, не может сдержать радостного удивления.

– Русский гость!

– Да, русский. Русский из Санкт-Петербурга.

– Санкт-Петербург! Прекрасный город.

– Капри не менее прекрасен, – парирует гость.

– Это две очень разные красоты. Красота первого создана человеком на очень негостеприимной земле, а красота Капри рождена самой природой, облика которой человеческая рука не коснулась.

– Именно так. Вижу, вы знакомы с моим городом.

– Я знаю его настолько, насколько читала о нем в некоторых книгах.

– Подскажите номер моей комнаты?

– У нее нет номера. Это первый этаж. Сейчас я вам ее покажу. Идите за мной, – приглашает девушка и показывает молодому гостю широкую и скромную комнату. – Здесь всё в

вашем распоряжении, в том числе и для занятий живописью. Есть только одна проблема: комната на одном уровне с улицей, поэтому здесь слышно всё, что происходит снаружи. Голоса тех, кто поднимается и спускается, круглые сутки, всевозможные шумы, в особенности цоканье лошадей, которые возят пассажиров и грузы, когда причаливают пароходы. Если это вас не побеспокоит, думаю, комната будет для вас идеальной.

– Очень хорошо. Благодарю вас. Да, забыл представиться: барон Огранович, Микеле Огранович.

– О, русская знать почтила своим присутствием «Бельведере э Тре Ре»! Большая честь для семьи Петанья... Лаура. Лаура Петанья. Мой отец Джузеппе – хозяин этой гостиницы. Вы скоро с ним познакомитесь, он постоянно приезжает и уезжает, всё время занят проблемами, которые неизбежны при управлении пансионом, – объясняет девушка. – Оставляю вас заниматься багажом. Если что-то понадобится, дайте знать, – прощается Лаура, прикрывая дверь. Взгляд Михаила провожает ее, пока она не исчезает из виду.

– Вот это красавица, ничего не скажешь, – вполголоса произносит молодой человек, начиная распаковывать огромный чемодан. В углу комнаты он уже поставил мольберт и ящик с красками и кистями.

* * *

– Я предпочел бы не такой ярко-красный цвет, – хозяин гостиницы делает замечание маляру, получившему задание обновить фасад пансиона.

– Дон Пеппи, это красный помпейский, как вы просили. Возможно, оттенок, который вы искали, носит другое имя. Вы сказали красный помпейский, и это именно тот цвет. Но будьте уверены, от дождя и солнца цвет теряет свою яркость. Природа позаботится о нужном оттенке, – замечает рабочий с улицы Марина-Гранде, стоя напротив ярко-красного фасада гостиницы.

– Вы правы, мастер Вичи! И я скажу вам, почему. Природа часто приходит на помощь там, где человек бессилён. Мы ждем, что природа обо всем позаботится. Но, пока суд да дело, есть кое-какие работы в некоторых комнатах и в гостиной, – отвечает проницательный хозяин гостиницы.

– Пойду проверю и сразу займусь этим. До встречи!

– До скорого, и хорошей работы, мастер Вичи, – прощается дон Пеппино, не отрывая взгляда от фасада гостиницы, чей цвет его ничуть не радует.

Джузеппе Петанья, для друзей и знакомых – дон Пеппино, владелец гостиницы «Бельведере э Тре Ре», унаследовал этот гостеприимный пансион от своих предков, происходивших из Салерно. В начале XIX века они приобрели его для размещения туристов. Среднего роста, длинные седые усы – дон Пеппи управляет этой гостиницей вместе с женой Джельсоминой и пятью дочерьми – Матильдой, Лаурой, Марией, Элизой и Анджелой. На кухне заправляет сама хозяйка, которая с помощью нескольких жительниц острова готовит не только типичные каприйские блюда, но и кушанья французские и немецкие, чтобы иностранные клиенты наслаждались ароматами их родной земли. Блюда подаются в великолепном обеденном зале на верхнем этаже, откуда открывается вид на саму бухту Марина-Гранде.

На первом этаже, неподалеку от входа, – просторный салон, который служит для развлечения публики, богатая библиотека с книгами на любой вкус и на разных языках, а также фортепьяно для клиентов, умеющих играть. Достаточное число комнат довершает картину пансиона, где в каждом уголке притаился аромат моря и где солнце освещает даже самые потайные места.

– Добрый день! Барон Огранович? – спрашивает хозяин пансиона у гостя, получив необходимые разъяснения от дочери Лауры.

– Да! Микеле Огранович.

– Приятно познакомиться, синьор барон. Джузеппе Петанья. Добро пожаловать к нам, – приветствует хозяин недавно прибывшего гостя.

– Спасибо за гостеприимство, синьор Джузеппе. В вашей гостинице, после длительных переездов по Европе, я снова почувствовал тепло настоящего дома, где не был уже много месяцев, – задумчиво говорит молодой человек.

– Пока вы наш гость, рассчитывайте на нашу скромную, но неограниченную помощь. Здесь на Капри можете основательно отдохнуть и поднабраться сил для длительного путешествия.

– Красоты, увиденные мною в вашей стране, уникальны. Венеция, Флоренция, Рим и потом Неаполь – у каждого из этих мест свое неповторимое очарование. Именно там мне посоветовали посетить Капри. И они оказались правы! Даже если я его еще не видел, первое впечатление не обманывает – это уголок рая на земле, который я смогу перенести на холст для того, чтобы вспоминать о нем в Санкт-Петербурге как о месте, не знающем себе равных. Кстати, о холсте и красках: вчера, едва приехав, я поднялся на террасу гостиницы – это идеальное место для живописи.

– Я тут же прерву вас, синьор барон! Это ваш дом, пользуйтесь им как вам заблагорассудится. Терраса также в вашем распоряжении, – расчувствовался дон Пеппино.

– Спасибо за щедрость. Завтра я поднимусь туда рисовать. А сейчас пойду кликну повозку, чтобы съездить на площадь и оттуда начать знакомство с островом.

– Зачем повозка, поездка на которой занимает много времени, когда внизу, в двух шагах отсюда, есть фуникулер? Его открыли несколько дней назад, всего пара минут – и вы в центре, прямо на главной площади. Что посмотреть? Дорога, ведущая от улицы Гогенцоллернов к Арко Натурале. От площади пройдете вниз направо до центральной улицы. На уровне «Квизисаны» перейдите на левую сторону, чтобы увидеть бельведер Трагары и оттуда – до самой Арко Натурале. Зрелище уникальное, синьор барон.

– Спасибо за совет, синьор Джузеппе, и хорошего дня, – прощается Огранович с хозяином гостиницы, который провожает его взглядом до тех пор, пока фигура художника не исчезает в конце спуска за поворотом.

На площади Виктории, при входе на канатную дорогу, он останавливается, привлеченный необычным зрелищем: мужчины с закалившимися на солнце лицами, вернувшиеся с ночной рыбной ловли, собираются чинить рыболовные сети длинными деревянными иглами.

Молодой человек, преисполненный любопытства, остался бы и дальше наблюдать за этой картиной, однако его возвращает к действительности объявление об отправлении фуникулера. Он занимает место в кабине, которая вскоре трогается, взбираясь наверх через дома, лачуги, виноградники и цитрусовые рощи.

Панорама, открывающаяся из кабинок фуникулера, захватывает. Эти челноки плывут по кругу в роскошной средиземноморской зелени, пока, наконец, караван не достигает станции назначения. Несколько ступеней – и Михаил оказывается на террасе, напротив которой – площадка с видом на гору Соларо.

Там, где высится древняя часовая башня рядом с собором св. Стефана, находящимся на вершине крутого лестничного подъема, художник на минуту останавливается, прежде чем добраться до самого собора. Он был возведен на том самом месте, где стояла церковь св. Софии с часовой башней, игравшей роль колокольни этого большого комплекса.

На выходе, перейдя площадь, он поворачивает направо, на улицу Гогенцоллернов.

Вдалеке – «Квизисана» с просторным садом, где на террасе постояльцы увлечены разговорами и чтением газет. Огранович на минуту останавливается, а затем устремляется вверх по улице, откуда можно быстро подняться в Трагару.

В конце маршрута с террасы бельведера открывается роскошный вид на рифы Фаральони и домики, которые взбираются по склонам будто альпинисты, стремящиеся на вершину.

Михаил выбирает место на полусломанной деревянной скамейке.

Здесь, на высоте, абсолютная тишина охватывает всё вокруг, а взгляд, брошенный на голубую гладь моря, уносит молодого человека далеко от реальности.

На несколько мгновений он будто замирает в пустоте, как бы выйдя из тела. В такие моменты, придя в себя, не можешь понять, что происходит на самом деле.

Это ощущение испытывает Михаил, пока легкий бриз с моря не возвращает его к действительности: его испытующий взгляд скользит по улицам и пыльным переулкам, извилистым и узким тропинкам, которые своей суровостью будто укрепляют горный склон.

Слепящий солнечный свет заставляет его опустить глаза и продолжить прогулку по Пиццолунго, откуда узкая и обрывистая лестница ведет к гроту Матермания, а от него – после восхождения по сотне с лишним ступеней и пересечения короткой улочки – к Арко Натурале.

Долгая остановка заставляет молодого человека забыть о времени, но, вынув часы из кармана, он замечает, что оно буквально пролетело.

– Дорога длинная. Лучше вернуться назад, – говорит он сам себе, медленно шагая в сторону гостиницы «Бельведере э Тре Ре».

* * *

– С возвращением, синьор барон. Прогулка была долгой, вижу, вы слегка устали, – замечает Лаура, которая с рецепции видит немного осунувшееся лицо молодого человека.

– Длинная и прекрасная прогулка, синьорина Лаура. Да, немного устал, но она того стоила. Я ходил к Арко Натурале.

– Послушались совета моего отца.

– Он отличный советчик. Обращусь к нему насчет экскурсий и в последующие дни.

– Достойных маршрутов здесь, на Капри, великое множество, и все они невероятно красивы. Но сейчас, думаю, нам стоит поторопиться, ведь совсем скоро за стол, – заботливо приглашает девушка.

– Только приведу себя в порядок и буду готов к обеду. Любопытно испробовать местные блюда. Кто знает, какой сюрприз меня ждет.

– Немного терпения, и скоро узнаете. За приготовление пищи отвечает лично моя мать Джельсомина, она прекрасный повар. Потом расскажете мне. Приятного обеда! – обращается Лаура к гостю, который мчит в свою комнату, чтобы переодеться, прежде чем подняться на верхний этаж, где займет место за единственным свободным столиком рядом с окном.

Великолепно освещенное пространство с видом на Марина Гранде... Несколько мгновений – и среди официантов, суетливо лавирующих между столиками, появляется донна Джельсомина с блюдом в руках. Поискав взглядом Ограновича, она направляется к нему.

– Равиоли с рикоттой и майораном для вас, синьор барон! Приготовленные моими собственными руками. Надеюсь, они вам понравятся. Не хватает только сыра, чтобы соединить любовь и желание. Приятного аппетита, – заключает синьора.

– Спасибо за оказанное внимание, донна Джельсомина. У меня нет слов, – еле слышно говорит молодой человек, смущенный такой сердечностью.

– Вы не должны меня благодарить. Клиентов надо принимать от чистого сердца, чтобы они чувствовали себя, как дома. Нужно создавать тепло, иначе между гостем и принимающей стороной образуется разрыв, который заставляет гостя чувствовать себя чужим. Правильно я говорю?

– Попали в яблочко. Мудрость – учительница жизни.

– На второе вам приготовили рыбу. Свежайшая, доставленная сегодня утром с моря сразу по возвращении рыбацких лодок... И потом, хотела сказать вам: если вдруг вам захочется поесть чего-то особенного, достаточно утром, перед выходом, заглянуть на кухню. Но что же это, вам еще не принесли вина?

– Нет, но я только что пришел.

– Агостино!

– Что прикажете, донна Джельсомина?

– Белое домашнее вино для синьора барона. И, пожалуйста, прохладное, – решительным тоном отдает приказ хозяйка.

– Будет сделано, – покорно отвечает слегка озадаченный официант.

– А вам, синьор барон, приятного аппетита, – властная хозяйка «Бельведере э Тре Ре» прощается с молодым художником, который, одурманенный ароматом, исходящим от блюда, решительно нанизывает на вилку еще дымящиеся равиоли.

Во второй половине следующего дня Михаил выходит из комнаты в полном вооружении, с мольбертом, холстами и красками, и направляется к лестнице, ведущей на террасу. В этот момент с рецепции слышится голос Лауры:

– Куда направляетесь, барон?

– На террасу. Я уже несколько дней не рисую и чувствую необходимость снова заняться живописью. Для художника важен момент воплощения. Он может случиться в любую минуту, днем и даже ночью. Это как у писателя: бывает, что он в бессилии сидит перед чистым листом бумаги, не в состоянии написать ни слова, а случается, что ручка сама скользит по бумаге, как живая вода в источнике. Так же и у художника, скульптора, музыканта и всех тех, кто связан с искусством. Для людей искусства нет особенных дней для творчества. Вам так не кажется?

– Но как можно рисовать без дневного света? Свет – основное для художника, он оживляет цвета предмета, который тот хочет перенести на холст. Полагаю, мое наблюдение правильно, – замечает Лаура.

– Это правда. Свет необходим. Но переносить образы на холст означает также приспособить их к контексту, где они создаются. Вчера меня очаровала сцена, которую уже видел по прибытии на Капри. Высадка в порту пассажиров с парохода, прибывшего из Сорренто. Наблюдая событие со стороны, испытываешь совсем другие ощущения, чем если бы сам был участником события. Люди всех слоев общества, тюки с товарами, голоса... Есть тысячи способов передать эту ежедневную жизнь и описать этот мир, эту редкую по колоритности атмосферу. Вышел бы рассказ, достойный пера настоящего писателя, но и художник также может отразить эти сцены и настроения через различные оттенки цветов.

– Действительно, вы правы. Но тогда не мешкайте, идите туда, иначе пароход после высадки пассажиров и разгрузки незамедлительно отправится обратно в Сорренто. Хорошей работы, – желает девушка Ограновичу, который быстро направляется к террасе, где заботливо раскладывает всё необходимое для творчества. В это время слышится гудок парохода, входящего в порт Марина-Гранде. При высадке пассажиров возникает ужасная суматоха: сначала – дамы, сошедшие на берег, сбиваются в кучки в ожидании мужей и родственников и выкрикивают их имена, стараясь приблизить воссоединение. Затем – выгрузка багажа и поиски транспорта, крики извозчиков и скопление экипажей, готовых развезти всех по давно забронированным гостиницам и пансионатам.

Круговорот людей и вещей усиливается, когда начинается выгрузка товаров: бесчисленные корзины, ящики и лари, огромные мешки, наполненные Бог знает каким добром, нагромождаются на молу.

Люди и вещи сливаются в одно, пока в суеде высадки и разгрузки каждый не находит своего места на молу и не отправляется по месту назначения.

Михаил едва намечает углем на холсте эту сцену, как вскоре оставляет работу.

Сняв холст с мольберта, взяв все свои принадлежности – палитру, краски и кисточки, он направляется к лестнице, чтобы снова вернуться в свою комнату.

– Можно взглянуть на шедевр? – спрашивает Лаура.

– Еще рано. Для завершения нужен не один сеанс. Я представлю картину на ваш суд, когда она будет готова.

– Кстати, я подготовила для вас список самых красивых мест Капри, которые стоит посетить. После ужина можем об этом поговорить, если вы не заняты.

– Занят? Я приехал на Капри именно для того, чтобы изучить его. Это и есть цель моего визита. Да, после ужина можем об этом поговорить. Заодно послушаем фортепьянную музыку. Знаете, вы прекрасно играете, одно удовольствие вас слушать. И потом, не каждый день имеешь дело с красивой девушкой, – замечает Михаил, и молодая дочка Петаньи, приятно удивленная такой оценкой, встречается взглядом с гостем и заливается румянцем.

После ужина пунктуальный Михаил появляется на рецепции, не в силах сдерживать нетерпение и в надежде поскорее встретиться с девушкой. Внимание Ограновича, похоже, больше привлекает красивая каприйка, нежели рассказ о достопримечательностях.

– Позвольте мне отлучиться всего на несколько минут, попрошу мою сестру Матильду подменить меня.

– Если мешаю, можем отложить разговор, – извиняется молодой человек, обеспокоенный тем, что отрывает Лауру от ее привычных обязанностей.

– Нет, ничуть не мешаю. Несколько минут, и я снова здесь, – обращается она к важному клиенту, который медленно направляется к салону, где другие гости заняты кто чем – чтением, игрой на фортепьяно, обсуждением местных красот.

– А вот и я! – через несколько минут Лаура предстает перед собеседником. Тот, рывком вставая с дивана, приглашает ее занять место.

– Устраивайтесь рядом со мной. Я готов слушать, как примерный школьник.

– Распределить роли надо бы совсем по-другому. Это я должна была бы брать у вас уроки, однако почему-то вы сами прячетесь за маской школьника.

– В жизни всегда есть чему учиться. А в остальном... Кто лучше вас сможет описать красоты этой благословенной земли?

– Начнем с того, что интересных для посещения мест на Капри очень много, и они разбросаны по острову. Это значит, что неразумно посещать в день более одного места, стоит посвятить ему всё внимание, чтобы сполна насладиться его красотой. Есть уголки, добраться куда можно только по узким и крутым тропам, мучительно взбираясь на сотню метров вверх. Но оно того стоит, потому что в конце пути ждет такой ракурс, воспоминание о котором едва ли забудется. Зеленые уголки с уникальной растительностью – сосны, дрок, опунция – ведут вас от моря до самых гор. Чтобы вы имели представление, приведу пример: в один день совершенно невозможно посетить виллу Тиберия и местечко Марина-Пиккола, или картезианский монастырь св. Иакова – именно из-за особенностей островного рельефа.

Лаура достает из широкого кармана юбки лист бумаги с намеченным ею длинным маршрутом. Будто вынутые из ларца драгоценности, предстают в ее рассказе вилла Тиберия, картезианский монастырь св. Иакова, длинная и живописная улица Крупп, соединяющая монастырские чертоги с Марина-Пиккола и с Анакапри – верхней частью острова, с его лабиринтом переулков, потрясающими церквями св. Михаила и св. Софии, и многими другими церквями и капеллами, уединенными уголками, нависающими над морем в изгибах побережья, маленькими бухтами и гротами с изумрудной сверкающей водой, ведущими к маленьким пляжам, доступным только с моря – и так до самого Голубого грота с его восхитительными отражениями. Высоты, откуда можно наблюдать издали горы Калабрии, Апеннины, Амальфитанское побережье и побережье Сорренто, которые вместе с островами Искья и Прочида напоминают стражников, бдительно следящих за морскими перевозками.

– Чтобы узнать остров как следует, необходимо время. Вначале я думал провести на Капри всего несколько дней. Мне надо будет пересмотреть свои планы, еще и потому, что сообщил своим в Санкт-Петербурге, что уже нахожусь на пути домой.

– Задержаться на несколько дней – не думаю, что это создаст вам проблемы. Раз уж вы сейчас на острове, стоит его изучить. Кто знает, будет ли потом возможность вернуться. Россия – не за углом.

– Это правда. Принимаю ваше предложение, несмотря на то, что довольно сильно встревожен ситуацией на моей родине, втянутой в изнурительную войну с Японией. Кроме того, по России прокатились волнения рабочих и крестьян, которые потребовали улучшения условий жизни. В любом случае, я отложу отъезд. Ну что, когда начнем турне по острову? Завтра утром?

– Зависит от вас и вашей занятости.

– Не только от моей, но и от вашей, – уточняет гость.

– От моей? При чем здесь моя занятость? – удивленно отвечает Лаура.

– Но вы же не хотите отправить меня одного в места, которых я не знаю и где среди тропинок, улиц и улочек могу заблудиться и не найти обратную дорогу, – парирует Огранович.

Девушка, подняв голову, встречается взглядом со своим собеседником, будто спрашивая, правильно ли она его поняла, и снова ее щеки покрываются легким румянцем, и смущение заставляет потупить взгляд.

– Не знаю, будет ли это возможно, – пытается защищаться девушка. – Знаете, в этот период очень много клиентов и работы.

– Не хочу вас обязывать делать то, что вам не хочется, – наступает художник, чтобы проверить, искренен ли ответ девушки и понять, достиг ли он своей цели.

– Не то чтобы мне не хотелось сопровождать вас, более того, мне было бы приятно. Я должна сообщить это матери, чтобы она смогла найти мне замену.

– Если хотите, чтобы это сделал я, лично испрошу на это разрешение у донны Джельсомины.

– Не нужно, этим займусь я и завтра проинформирую вас.

– Хорошо. Не знаю, как и благодарить вас.

– Вы не должны меня благодарить. Я уже сказала, что и мне было бы приятно сопровождать вас, – почти шепотом сообщает Лаура, смущенная тем, что ей пришлось поддаться на уговоры и выйти за рамки привычного поведения и уклада жизни. Взгляд ее потуплен, будто она пытается спрятаться от собственной роковой ошибки.

– Так значит, до завтра. Сейчас изумительный вечер. Не упущу момент, пойду прогуляюсь по порту. В этот час там нет обычной сутолоки, и размеренный плеск волн, бьющих в ватерлинию судов, уносит твое воображение туда, где можно построить замок из своих мечтаний. До скорого.

– Хорошей прогулки, – желает ему Лаура, провожая молодого русского взглядом вплоть до тех пор, пока он не исчезает за поворотом.

На следующее утро донна Джельсомина, узнав от Лауры о предложении молодого человека, ожидает Михаила к завтраку в салоне на первом этаже. Она похаживает между столиками гостей, пока не замечает русского художника, входящего в салон и направляющегося за столик у большого окна.

– Добрый день, синьор барон! – приветствует его с большим радушием хозяйка «Бельведере», приблизившись к столику.

– Антонио, завтрак синьору барону, – приказывает пожилая женщина официанту, который с большим рвением устремляется исполнять приказание. – Прекрасный день, синьор барон.

– Идеальный день для рисования. Возьму всё необходимое и направлюсь к Арко Натурале. Этот уголок манит к себе. Я ходил туда несколько дней назад. Немного далековато, но того стоит.

– Кстати, о прогулках, синьор барон. Лаура сообщила мне о вашем..., не знаю, как обозначить его... желании, или... лучше сказать, приглашении сопровождать вас на прогулках по острову. Я вовсе не против, да что там, ваша личность заслуживает всяческого внимания, но, знаете, Капри – маленький остров, и девушка, сопровождающая молодого человека, к тому же незнакомого, может дать пищу для всяческих слухов и досужих разговоров, из которых способен вырасти целый воздушный замок сплетен и... остальное вы можете себе представить. Но я всегда доверяла выбору своих детей, видя в них благоразумие, с каким они пользуются своей свободой. Пусть Лаура решает. В любом случае, приятного завтрака и хороших прогулок на ближайшие дни, – заключает женщина, обеспокоенная не столько злыми языками, водящимися на острове, сколько тем, к чему могут привести совместные прогулки дочери Лауры с сыном знатного русского дворянина Ограновича.

* * *

На следующее утро Михаил в гостевом салоне с нетерпением ожидает Лауру, чтобы положить начало такому желанному познанию острова. Несколько мгновений – и молодая дочь хозяина появляется в разреженной утренней атмосфере огромной комнаты.

– Я готова, – обращается она к Михаилу, который порывисто встает с кресла ей навстречу. Высокая фигура, волосы цвета воронова крыла, собранные на затылке в пучок длинной заколкой, проникновенный взгляд очень черных глаз в оправе смуглого лица, черная юбка до щиколоток, белая блуза, вышитая фистонами, обрамляющими цветущую грудь, где покоится коралловое ожерелье. В руках – широкая шаль черного шелка, которую она инстинктивным и быстрым движением накидывает на плечи.

– Вы восхитительны! Невозможно будет избежать любопытствующих взглядов, – замечает молодой человек, памятуя слова донны Джельсомины.

– Любопытные принадлежат к категории завистников, готовых пожалеть тебя, когда ты в беде, и спешащих очернить тебя, когда счастье и благополучие идут за тобой по пятам. Лучше не обращать на них внимания. Неправда ли, синьор барон? – размышляет девушка, не понаслышке знакомая со сплетнями, всегда атаковавшими их маленькое сообщество.

– Вы спрашиваете, согласен ли я. Как я могу быть не согласен! – твердо отвечает Михаил, перехватывая взгляд молодой женщины, который говорит больше, чем любые слова.

– Откуда начнем? Вы решили, каким должен быть первый маршрут?

– Их много и все потрясающие. Решайте вы! Доверяю вам полностью.

– Начнем с верхней части. В Анакапри у нас будет возможность посетить церкви св. Михаила и св. Софии. И, при желании, можно дойти до другой оконечности острова. Маршрут длинный и извилистый, придется долго идти по тропам и обрывистым улочкам, где спутницей нам будет только сама природа.

– Этот маршрут интригует. Неправда, что только природа может быть хорошей спутницей, люди тоже, особенно если они приятны. Мы будем составлять компанию друг другу по очереди. Можем трогаться в путь, – и молодой человек немедленно устремляется вперед, увлекая за собой прекрасную спутницу.

Так начинается познание острова, когда и без того богатый культурный багаж петербургского художника обогащается безгранично: начиная от маленьких уединенных мест, как бы нависших над морем, до капелл, построенных в двух шагах от побережья и ведущих от Марина Гранде до центральной площади, а оттуда – в Анакапри.

Пунктуальный каждый вечер, молодой художник замечает в деталях всю красоту здешних мест и хранит в сердце вызываемые ею чувства, начиная от зелени шпалер и кристальных вод, простирающихся в бесконечность, за линию горизонта. Архитектурная интрига вилл и дворцов Анакапри начинается со стоящей особняком Каза Росса: вилла, сочетающая в себе различные стили, с раздвоенными окнами и зубцами, принадлежала американскому полковнику Джону Клэю Маккоуэну, богатому собственнику из Нового Орлеана, который построил ее рядом с античной башней XV века, поблизости от церкви св. Михаила и св. Софии. Явно барочная с виду, первая церковь привлекает внимание своим полом из майолики, с изображенным на нем изгнанием Адама и Евы из земного рая. Фасад второй церкви – начала XVI века – выполнен в том же стиле. Церковь заменила собой предыдущий приход, в честь св. Марии Константинопольской, когда люди начали заселять верхнюю часть острова.

– Слов нет, чтобы описать красоту этого места! – вырывается у Михаила возглас восхищения.

– Прежде чем вернуться в гостиницу, хочу подарить вам захватывающий вид с высоты одного бельведера.

– Мне остается только следовать за вами, – принимает Михаил приглашение, прямо за остановкой экипажей преодолевает легкий подъем и направляется по узкой тропе, которая приводит его к упомянутому Лаурой бельведеру. Обязательный маршрут, где один иностранный гость почти закончил с помощью рабочих строительство своего уединенного дома.

– Еще один прекрасный дом. Остров изобилует красивыми постройками. Кому принадлежит это жилище?

– Видите того синьора наверху? Это шведский врач, Аксель Мунте, осевший на острове лет двадцать назад. Филантроп, любитель природы и животных, он построил свою виллу на развалинах античной часовни, посвященной архангелу Михаилу. Говорят, он якобы друг самой королевы Виктории, которая по состоянию здоровья проводит длительное время здесь, на Капри. Говорят, что Их Величество, превосходная пианистка, бывает вечерами в качестве госты на этой вилле и аккомпанирует своему прекрасному голосу.

– Да, он знал, как выбрать место для жизни. Вдали от всех, от нескромных взглядов, даже если здесь, наверху, людей можно пересчитать по пальцам, – размышляет Михаил. – Куда ведет эта дорожка?

– На маленькую смотровую площадку, нависающую над морем, откуда можно наблюдать морской горизонт.

– Тогда пройдем туда. Не хочу упустить красивое зрелище, – настаивает художник, и, подавая руку Лауре, направляется к очередному бельведеру.

Удивленная такой решительностью, девушка молча идет вперед, не понимая значения такого необычного поведения Ограновича, которое привело к неожиданной интимности ситуации, даже если с самого начала знакомства взгляды их говорили о плохо скрываемом удовольствии при виде друг друга.

На смотровой площадке двое останавливаются, пораженные открывшимся видом. По нескончаемой водной глади во все стороны разливается лазурь, подгоняемая морским бризом, ласкающим их лица. Михаил, оставив руку спутницы, ласкает ее лицо, застывшее в предвкушении сюрприза.

Лаура закрывает глаза, будто в ожидании последующих событий. Губы слегка касаются губ, но торжествует здравый смысл молодого художника, обеспокоенного тем, что его спонтанный и неуправляемый жест может быть неправильно истолкован. Щека едва коснулась щеки, но уже ясно, что в следующий раз из тлеющей искры не замедлит разгореться пламя, дав волю сдерживаемому чувству.

– Извини меня, Лаура.

– Лаура?

– Да, Лаура! Разве ты сменила имя?

– Вы назвали меня по имени, – отвечает девушка.

– Да, я назвал тебя по имени, и хочу, чтобы и ты сделала то же. Михаил! Для тебя с этого момента я – Михаил.

– Микеле!

– Если тебе больше нравится называть меня на итальянский манер, пожалуйста. Микеле так Микеле, – заключает художник, и, вновь завладев рукой подруги, продолжает двигаться в обратном направлении. – Мне кажется, у нас осталось время, чтобы посмотреть еще какое-нибудь место. Тебе не кажется?

– Согласна, – отвечает девушка, скорым шагом обгоняя своего спутника по тропинкам голубого острова. – Есть одно уникальное место, но оно далеко отсюда. Если решим до него дойти, вернемся к ужину.

– Где это место находится?

– На другом краю острова. Это бельведер Туоно.

– Раз ты советуешь, значит, оно того стоит.

На длинных извилистых тропинках время от времени им попадаются жительницы острова: длинные черные юбки, волосы, собранные на затылке с помощью рогового гребня, обувь на деревянной платформе. Грациозные от природы, они передвигаются с легкостью, несмотря на тяжелый груз, который несут на голове: глиняные кувшины с водой или корзины с овощами и фруктами – их женщины переносят с одного конца острова на другой.

Через полчаса ходьбы наши герои добираются до маяка на мысе Карена, позади остается скала Мильера. Мощный источник света, помогающий в пути морякам, соединен с Голубым гротом тропой, проходящей через маленькие форты. В самом конце небольшой улочки – бельведер Туоно, откуда открывается сладостная, дающая отдохновение панорама: нескончаемая гладь моря, обрывистые белые скалы, а над ними – парящие с распростертыми крыльями чайки, отдающиеся на волю ветрам. Вторая панорама, находящаяся выше, открывает взору высокие морские скалы. Молодые оказываются в объятиях друг друга, их руки блуждают, тела сплетаются, а губы не в силах оторваться друг от друга, ведь они так долго сдерживались...

В отель они возвращаются поздно вечером, к большому неудовольствию синьора Петаньи, чье беспокойство написано у него на лице, и особенно донны Джельсомины, которая чутьем опытной матери сразу же угадывает, что между ее дочерью и художником происходит нечто потаенное, некое взаимное молчаливое притяжение.

Для пожилой женщины это был тревожный знак, требующий разъяснений, особенно в свете того, что рано или поздно Ограновичу следовало вернуться в Петербург. Молодой человек, угадавший настроение хозяйки, после ужина просит Лауру избегать встреч и совместных прогулок, чтобы не возбуждать подозрений внутри семьи. Несколько дней он бродит по острову один, чтобы потом перенести на полотно впечатления от увиденных мест, особенно от тех, которые его поразили.

Через некоторое время совместные с Лаурой прогулки возобновляются и становятся регулярными: многое еще предстоит увидеть, но главным образом они ищут уединения для первых сближений: от виллы Юпитера – убежища Тиберия, нависшего над морем, до вереницы арок, опирающихся на романские колонны в картезианском монастыре св. Иакова; от Финикийской лестницы и античной дороги, соединяющей Анакапри с портом Марина-Гранде, – до маленькой церквушки св. Константа.

– Эта церквушка потрясающая. Тебе так не кажется? – шепчет Михаил на ухо Лауре.

– Ты прав. Она дает ощущение уединенности, такое редко бывает. Мы вернемся сюда перед твоим отъездом.

– Отъездом! Прошло больше месяца, а я еще не дал о себе знать родителям. Должно быть, они волнуются. Правда в том, что время пролетело и провести его в твоём обществе было

восхитительно. Скажу по секрету: мне становится сложно быть без тебя, и при мысли, что нам придется расстаться, становится не по себе. Но я должен принять решение... Ладно, пойдём! – обрывает себя на полуслове Огранович, замечая омрачившееся лицо подруги.

Последующие дни только усиливают беспокойство молодого человека, особенно в моменты, когда они с Лаурой выходят вместе. Ощущение, что с ней его связывает глубокое чувство, вышедшее за пределы влюбленности и приобретшее черты безудержной страсти, от которой он уже не в состоянии отступить. Состояние души, сообщающее беспокойство и неудовольствие самому семейству Петанья. Такое испытывает тот, кто стоит на середине реки, не в состоянии перейти ее вброд, но и не может вернуться назад, к исходной точке.

Ощущение сильной нестабильности в отношениях, которые еще не потеряли блеск первых ослепительных дней, но уже многое теряют от нерешительности и лишают спокойствия обоих... Однажды в час полуденного отдыха, когда клиенты расходятся на привычный послеобеденный сон, Лаура, не колеблясь, решает выяснить странное поведение друга и просит разъяснений.

– Почему ты так странно себя ведешь? Тебе не хватает мужества сказать мне, что наша история закончится с твоим отъездом в Санкт-Петербург. Я знала это, но даже если всё идет к концу, твое поведение неоправданно. Красивый роман можно прожить и в воспоминаниях, именно потому, что он был прекрасен. Именно это я и сделаю. Сохраню воспоминания о незабываемых днях, проведенных вместе, и никто не сможет их стереть. А ты вернешься на родину, где тебя ждут привычные отношения. Единственное, что мне нужно, – хотя бы иногда получать весточку от тебя. Чтобы знать, как ты поживаешь и хранишь ли и ты хорошие воспоминания о днях, проведенных вместе. Этого мне хватит, нет, мне должно хватить. Я не знаю Санкт-Петербурга, думаю, это красивый город, совсем не похожий на Капри, с богатой историей, где ты найдешь то, что не смог тебе предложить наш остров. Ты вернешься к своим занятиям, к театрам, спорту, вечеринкам в компании красивых девушек, праздникам, показам мод, придворным балам с их блистательной роскошью, несравненными элегантными нарядами – в общем, к жизни, далекой от той, которую ведет скромная жительница острова, такая как я, – заключает Лаура, в надежде склонить друга к открытому выражению чувств.

– Ты думаешь, что разность в социальном положении может помешать рождению любви? Ошибаешься! Правда в том, что отъезд – это всегда грустное событие, особенно когда знаешь, что должен оставить то, что тебе дорого и что рискуешь потерять навсегда. Санкт-Петербург – не близкий край. Какой он? Красивый город с долгой и необычной историей. Капри тоже красив. Но это две разные красоты. Первая – созданная, вторая – первозданная, ты сама напомнила об этом, когда я приехал. Первая – творение рук человека, вторая – господ Бога. Твой остров восхитителен! И если мне придется встретить отказ, уверен, я легко не сдамся.

– Не понимаю.

– Что же тут непонятного. Поймешь потом.

– Если что-то необходимо разъяснить, предпочитаю делать это сразу.

– Это вопрос нескольких часов, и всё станет ясно. Подальше от нескромных взглядов хочу попросить тебя об одной вещи.

– Можешь сделать это сейчас? – настаивает Лаура, в которой проснулось любопытство.

– Нет! Не сейчас, – отрезает Михаил, поднимаясь с дивана и направляясь в свою комнату.

Оттуда он выйдет один, в поздний час, чтобы поужинать. На следующее утро он выходит из гостиницы и направляется по улице, ведущей к маленькой церкви св. Константа, но не для молитвы, а чтобы найти того, кто помог бы ему преодолеть непростую жизненную ситуацию.

– Священник на месте? – спрашивает он у пономаря, занятого привычной уборкой.

– Да, дон Пеппино в ризнице. Но поторопитесь, скоро ему на службу, – вежливо отвечает служка.

– Вы позволите?

– Входите!

– Добрый день, падре.

– Добрый день, присаживайтесь.

– Я Микеле Огранович.

– Чем могу быть полезен?

– Видите ли, синьор священник... Речь идет о некоем деликатном вопросе, и я обращаюсь к вам, несмотря на то, что лишь сейчас имею удовольствие познакомиться с вами, – начинает молодой человек, не скрывая некоторого замешательства.

– Я же, напротив, кажется, знаком с вами, или, по крайней мере, видел вас в компании красивой девушки, Лауретты, милой дочери четы Петанья, владельцев гостиницы «Бельведере э Тре Ре», – будто разбивает лед священник, чтобы привести в себя молодого человека, кажется, смущенного предметом, о котором ему придется разговаривать.

– Именно это и привело меня к вам.

– Я знаком с ситуацией. Лаура прилежно посещает наш приход. Это девушка редкой чистоты, выросшая в богобоязненной семье, вместе с сестрами преданно служащая семейному делу – содержанию пансиона, принимающего, как вы могли заметить, не только итальянских гостей, но и гостей из Германии, Франции, Англии и даже из России. Я заметил вас не только здесь, в церкви.

– Я русский. Русский из Санкт-Петербурга. Художник. Мой отец – мой тезка, доктор и директор санатория в Крыму, моя мама – пианистка.

– Русская колония на острове довольно многочисленна, многие ваши соотечественники поселились на Капри. Есть те, кто, как и вы, находится в приятном путешествии, как мне кажется, или на учебе, но есть и те, кто нашел здесь убежище от бедности, которую испытывал на родине, где количество неимущих стократ превосходит число имущих. Лаура сообщила мне о вашем социальном положении, вы аристократ, синьор барон. Но для тех, кто находится вдалеке от родины, важно наладить связи, особенно со своими соотечественниками. На улице Гогенцоллернов, ведущей от площади к «Квизисане», есть одно кафе, оно называется «Цум Катер Хиддигейгей». Мы называем его кафе кота Хиддигейгей. Там у вас будет возможность завести множество знакомств, в том числе с соотечественниками. Этим заведением управляет владелица, донна Лючия Моргано. Вы могли бы посещать его. Это совет.

– Благодарю вас за подсказку, но, видите ли, дон Пеппино, я здесь для того, чтобы просить у вас совета, но, кроме того, чтобы найти друга, которому можно было бы поверить свои чувства и который помог бы принять решение, когда ты не уверен в себе, и таким образом избавиться от мучительных сомнений. Я должен кое в чем вам признаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.